

которым выдающимся ученым Зато как представитель умеренного немецкого просвещения, поклонник Монтескье и Вольтера, он приобрел славу «среди всех образованных немцев» своими публицистическими выступлениями По словам той же исследовательницы, шлецеровские издания²² являлись «трибуналом», разоблачавшим произвол и злоупотребления мелких тиранов раздробленной тогда Германии, но и такие правители, как императрица Мария-Терезия, избегали того, чтобы оказаться на страницах его изданий Шлецеровские «Staatsanzeigen» были запрещены правительством в 1793 г по обвинению в проповеди революционности и атеизма²³

И для тогдашней России Шлецер нашел соответствующие слова похвалы и порицания Сопоставляя свои петербургские впечатления с родными для себя северогерманскими, Шлецер противопоставлял в автобиографии 1802 г «неповоротливость или ленность, которую так явно отличают жители северной Германии», «деятельным, подвижным и ловким существам», которые в России «являлись во всех классах нации!» И далее: «Что могло бы быть (думал я тогда), что стало бы из людей этого рода, если бы ему были даны человеческая свобода и разумное религиозное образование!» Свои же рассуждения о крепостном праве, с которым ему пришлось на деле столкнуться в доме Разумовского, он сопровождает словами: «Да будет проклято крепостное право», называя его «бесчеловечным изобретением» и «адской выдумкой, введенной в законную силу христианским попом, епископом констанцским, к стыду его религии, гуманизма и человечества»²⁴

Понятно, что Шлецер не мог обойти без осуждения виновников горестных судеб и Татищева и его «осиротелого» труда, оказавшегося, когда Татищев был уже мертв, тоже «полумертвым» Шлецера возмущало, что Татищева подозревали в «ереси» за то, что он, как подобает «свободномыслящему» или «просто разумному» человеку, «не может переварить нелепых чудес», которыми заполнены летописи, но вынужден подчиняться и делать «многие исключения» Шлецер не обошел и того, что Феофан Прокопович враждебно встретил его рассуждения о «Песни песней» царя Соломона как о сборнике светских любовных песен Шлецер знал, что Та-

²² «Briefwechsel meist politischen und statistischen Inhalts», 1776—1781, «Staatsanzeigen», 1782—1793

²³ См Furst Fr August Ludvig von Schlozer, ein deutscher Aufklärer im 18 Jahrhundert Heidelberg, 1928, S 75, 82, 88, Иконников В С А Л Шлецер Киев, 1911, с 36—37

²⁴ Общественная и частная жизнь , с 68, 117 — А И Тургенев писал родителям 27 апреля (9 мая) 1803 г о том, как Шлецер печатал в своем журнале жалобы от угнетенных подданных, как князья жаловались на него королю, как «даже» во время революции проповедовал он публично с кафедры то, чего другие и на ухо друг другу говорить здесь не смели, о том, что теперь «Шлецер не может ничего печатать без дозволения цензуры» (Архив братьев Тургеневых, вып. 2, с. 73).